

АНДРЕЙ ТАНАСЕЙЧУК

Бирс на войне

[192]

ИЛ 12/2019

Десятилетия Амброз Бирс (1842 – ок.1914) сохраняет статус классика литературы США. Его рассказы и знаменитый “Словарь Сатаны” регулярно переиздаются по всему миру, и каждое поколение открывает в них что-то новое. Он и сам давно превратился в культовую фигуру – стал персонажем множества литературных произведений, героем кинематографа. Разумеется, о нем и о его творчестве написано много: книги исчисляются десятками, а статьи – сотнями. Бирса знают и любят и в нашей стране, сборники его короткой прозы регулярно переиздаются. Читателям “ИЛ”, вероятно, будет интересно познакомиться с фрагментом биографии писателя, которая готовится к выходу в одном из российских издательств. Ее автор, литературовед-американист, в свое время опубликовал в легендарной молодоговардейской серии “ЖЗЛ” биографии Т. Майн Рида, О. Генри, Эдгара Аллана По и Джека Лондона. Предлагаемый фрагмент книги повествует о важнейшем периоде в жизни писателя – Гражданской войне Севера и Юга (1861–1865), активным участником которой он был.

У младшего современника Бирса, американского писателя Стивена Крейна, есть замечательный роман о войне Севера и Юга “Алый знак доблести” (в отличие от множества американских “военных” писаний, он получил высокую оценку Бирса). В его герое, рядовом Генри Флеминге, художник увидел нечто, что извиняло и отсутствие военного опыта у автора, и незнание реалий той давней войны, – правду характера и обстоятельств, составляющих художественную полноценность образа. Увидел солдата, стремящегося к подвигу и славе, страстно желающего заполучить собственный “алый знак доблести”, но получившего нечто большее – иную систему ценностей, в основе которой приобретенный военный опыт, – отметину, тотально изменившую жизнь и, главное, отношение к жизни, философию жизни героя.

“Алый знак доблести” Амброза Бирса – его участие в Гражданской войне Севера и Юга, его опыт солдата целиком и без изъятия.

Война стала главным событием в его жизни. Все, что впоследствии происходило с ним, с его страной, обществом, миром, воспринималось писателем сквозь призму военного опыта и впечатлений войны. Исключительно велика роль войны в формировании его личности. Бирс совершил слишком стремительное превращение из восторженного юноши, жаждавшего подвигов и славы, в уставшего, страдающего от ран и слишком много повидавшего, хотя и совсем еще молодого, ветерана. Именно здесь, в военном опыте, следует искать один из основных источников разочарования и скепсиса писателя относительно человека и общества, которые так отчетливо проявятся позднее в его литературной и журналистской деятельности. Война усилила склонность к пессимистической интерпретации действительности, заложенной еще в детстве родителями-пуританами и религиозной философией пуританизма. В войне – исток и разгадка многих событий и коллизий в его жизни. Гражданская война Севера и Юга, ее события, ее реалии и восприятие их писателем во многом определили его личную и художественную судьбу, своеобразие его творческого облика.

На исходе дней, далеко не молодым, уставшим и больным человеком, Бирс с горечью писал: “Почва мирных времен густо засеяна семенами войны и неизменно благодатна для будущих всходов”¹.

Давно зревший конфликт между Севером и Югом в конце концов, как известно, прорвался обстрелом южанами форта Самтер 12 апреля 1861 года. Период глухой политической борьбы закончился и перешел в фазу открытого противостояния. Началась Гражданская война.

Амброз Бирс стал солдатом армии США в девятнадцать лет, 19 апреля 1861 года.

Первые военные месяцы он провел в западной части Виргинии. Они оставили яркий след в жизни писателя. Об этом немало свидетельств в его очерках и рассказах. В осенние месяцы 1861 года в Западной Виргинии развиваются события в новеллах “Всадник в небе”, “Жестокая схватка”, “Пересмешник”, “Сражение в ущелье Коултера” и многих других. Эти впечатления стали не только одними из самых ярких, но и, как это ни парадоксально, самых светлых в его жизни. Но разве могло быть иначе? Он был молод, успел проверить се-

1. Здесь и далее перевод автора.

бя в деле (в первом же бою совершил подвиг – вынес раненого товарища с поля боя), армейская карьера продвигалась успешно (в девятнадцать лет был уже главным сержантом), был полон надежд и веры в собственную судьбу. Он, как и его молодые товарищи – простые фермеры, почти не покидавший родной фермы и плоских равнин Огайо и Индианы, попал в Аллеганские горы – край, который считается одним из живописнейших уголков Америки. Много лет спустя, воскрешая впечатления молодости и вспоминая себя – молодого солдата, Бирс писал в очерке “В горах”:

Жители равнин, вторгнувшись в горную страну Чит, с молоком матери мы впитали иные ландшафты, иные пейзажи. Для нас Западная Виргиния была не просто какой-то западной Виргинией – для нас она стала волшебной, зачарованной страной. Как мы упивались ее дикой красотой! С каким восторгом мы вдыхали аромат ее сосен и елей! С каким почти благоговением мы взирали на заросли лавра – настоящего лавра, если вам понятно, о чем идет речь! Того самого, которым венчали своих героев прославленные римляне. Мы резали из его корней украшения и кольца, мастерили свирели. Мы собирали смолу елей и отсылали ее в письмах своим любимым.

Очерки писателя о войне составляют ценный источник при изучении армейского периода жизни. Большинство из них написано и опубликовано спустя тридцать, а то и тридцать пять лет после описываемых событий. Разумеется, они не могут быть свободны от некоторой сентиментальности, определенной доли идеализации прошлых событий и мелодраматизма, вполне понятных и естественных у немолодого человека, повествующего о своей юности. В то же время они дают вполне внятное представление о душевном настрое молодого солдата и о фактографии событий. Уже сам отбор автором очерковых тем говорит о значимости того или иного события в его судьбе.

1862 год Амброз Бирс встретил опытным солдатом. Позади были победы и поражения, но впереди их было еще больше. Зимние месяцы нового года сержант Бирс и его товарищи провели все там же, в “зачарованной стране”. В эти зимние недели они в основном отдыхали и охотились. Единственное, что напоминало о войне, – караульная служба, необходимость ходить в боевое охранение и длительные тренировочные походы по заснеженным долинам и ущельям. Но молодой ветеран вовсе не считал их утомительными:

Однажды, покинув свою обитель, мы целый день шли по заснеженной тихой долине, а ночью карабкались по снежным склонам хребта. Как романтично это было: спящие холмы в све-

те заката, снежные поляны, залитые и пронизанные лунным сиянием...

Война, хотя и приоткрыла свое истинное лицо, не утратила для многих романтической привлекательности. Наступающий год был призван покончить с иллюзиями: зимняя идиллия оказалась затишьем перед бурей.

В конце февраля 1862 года полк Бирса вывели из Западной Виргинии и отвели в Нэшвилл. Здесь он влился в 19-ю пехотную бригаду полковника, а вскоре генерала Уильяма Б. Хейзена, и стал частью 4-й дивизии Армии Огайо, которой в скором времени предстояло открыть в Теннесси новый фронт боевых действий. В Теннесси их уже ждал со своей армией недавно прославившийся генерал Улисс Грант, будущий главнокомандующий армии США, будущий национальный герой и президент Соединенных Штатов. Но для Бирса важнее оказалось то, что его подразделение вошло в состав бригады Хейзена — командира и человека, с которым напрямую или косвенно будет связана вся дальнейшая военная жизнь писателя.

Амброз Бирс преклонялся перед своим командиром. Он восхищался Хейзеном — человеком и воином. Его начальник выгодно отличался от подавляющего большинства старших командиров Севера. Офицер регулярной армии, выпускник Вест-Пойнта, он был одним из немногих профессиональных военных среди генералов армии Линкольна. Тридцать лет спустя, в очерке “Преступление в Пикеттс-Милл”, Бирс так писал о своем генерале:

Генерал У. Б. Хейзен, прирожденный боец, настоящий солдат, после войны был главным офицером связи сухопутных войск. Его давно уже нет в живых. Я не знаю никого другого, кого бы так яростно ненавидели в армии: сама память о нем наводила ужас на тех, кто не чист душой. В его жизни не было покоя: со всеми он был в соре <...>. Он обвинял Шеридана в фальсификации, Шермана в варварстве, Гранта в неэффективности. Он был агрессивным, высокомерным, тираничным, благородным, правдивым, бесстрашным — высокопрофессиональным солдатом, преданным другом и человеком, который способен вызывать страшное раздражение. Армейская служба была его религией...

Удивительно, но характеристика, данная писателем своему командиру через тридцать лет после войны, поразительным образом совпадает с характеристиками, которые давали современники самому Бирсу — человеку и журналисту. Боевой генерал Хейзен был одним из тех немногих людей, которым Бирс, осознанно или неосознанно, подражал. Можно даже предположить, что характер, привычки, “образ” будущего литератора формировались не без воздействия человека, кото-

рым он восторгался. И хотя изменчивая военная судьба их неоднократно разлучала, они все равно встречались вновь. Они сдружились, были близки и после войны, пока смерть одного не разлучила их навсегда. Их дружба не могла состояться, не пройдя серьезных испытаний. Первым в их чередѣ стало участие в одном из наиболее кровавых эпизодов Гражданской войны – сражении при Шайло (6–7 апреля 1862 года).

О значении боев при Шайло для хода войны написаны сотни страниц. Нетрудно догадаться об исключительности этого события и в судьбе Бирса. Достаточно вспомнить тот факт, что с очерка “Что я видел при Шайло” начинается не только документальная проза писателя о войне, но и вообще военная тема в его творчестве. Если другие военные очерки Бирса написаны и опубликованы в основном в 1890-е годы, то есть появились значительно позже большинства военных новелл, то первые наброски “Что я видел при Шайло” появились еще в начале 1870-х, когда писатель жил и работал в Англии. Первая редакция очерка была опубликована в журнале “The Wasp” в начале 1880-х и лишь потом, в 1890-е, переиздана в воскресном приложении к “San Francisco Examiner” вместе с другими, в основном тогда же написанными и впервые напечатанными в этом издании.

Предыстория и ход сражения при Шайло хорошо известны. После взятия войсками Гранта столицы штата Теннесси города Нэшвилла у северян появилась реальная возможность перерезать западные коммуникации южан и таким образом серьезно осложнить положение мятежников. Для этого необходимо было захватить важный железнодорожный узел и город Коринф к северо-востоку от реки Миссисипи. Чтобы осуществить операцию, главнокомандующий северян генерал Генри Хэллек приказал Гранту идти к городку Шайло на берегу реки Теннесси. Здесь его части должны были соединиться с Армией Огайо генерала Д. Буэлла для удара по железнодорожному узлу. Но генерал конфедератов А. Джонстон, оборонявший Коринф, предугадал маневр противника и тоже двинул свои части к Шайло, чтобы не дать войскам врага соединиться и разбить Гранта и Буэлла поодиночке. 6 апреля авангард Джонстона ударил по не ожидавшим нападения солдатам генерала Гранта, и началось до той поры невиданное по масштабам в истории США сражение.

Бригада Хейзена не успела к началу и приняла участие во втором дне битвы. Вероятно, это и спасло ее от полного уничтожения, хотя и она понесла большие потери. Это было первое столь кровопролитное столкновение противоборствующих сторон в ходе Гражданской войны Севера и Юга. Ожесточение, с которым велось сражение, огромные потери

ошеломили противников. Отечественный исследователь Гражданской войны в США С. Бурин отмечает, что “за два дня боев погибло больше американцев, чем за всю войну за независимость, англо-американскую войну 1812—1815 годов и мексиканскую кампанию, вместе взятые”. Историки до сих пор спорят, кто же на самом деле одержал победу. Северяне полагали, что они. Южане придерживались противоположного мнения. Важно другое. Если до Шайло война для многих еще сохраняла некий романтический ореол, то после него для романтики осталось мало места.

Битва при Шайло — один из поворотных пунктов и в мироощущении Амброза Бирса. Уже самые первые строки очерка настраивают читателя на трагический лад:

Это простая история о сражении; история, которую мог бы поведать солдат, лишенный писательского дара, читателю, который не знает, что такое быть солдатом.

И до и после сражения Бирс участвовал во многих и порой не менее суровых испытаниях. Но это событие олицетворяет тот “водораздел”, который обозначил перелом в эволюции личности писателя от восторженного юноши по направлению к скептику и пессимисту. И, наверно, не случайно, вспоминая себя в пору Шайло, он ужасался не потерям, не пролитой крови, не ожесточению, а испытывал настоящую скорбь и ностальгию о себе самом — молодом, наивном, восторженном — и горько сожалел о том, что ничего, увы, вернуть нельзя.

О дни, когда мир был прекрасным и загадочным, когда незнакомые созвездия южного неба сияли в ночи и пересмешник изливал душу, укрывшись в ветвях залитой лунным светом магнолии, где все было вновь под новым солнцем; перестанет ли память рисовать мне волшебные картины далекого прекрасного прошлого, заставляя сравнивать его с грубыми чертами мира сегодняшнего, окончательно утвердившего бесконечное уродство той скучной жизни, что еще предстоит? Не странно ли, что этот призрачный взгляд из кровавого далека смотрит на меня так нежно, что я с трудом вспоминаю опасности, смерть и ужас того времени, и, без всякого усилия, все в нем представляется мне причудливым, добрым и милосердным? О юность, нет волшебника равного тебе! Сквозь унылый покров современности вновь коснись меня своей тонкой вдохновенной рукой и, хотя бы на мгновение <...>, дай вернуться к тому, что я оставил при Шайло.

После изнурительных боев 28 мая северяне достигли наконец Коринфа. Но солдатам Хейзена не удалось получить передышку. Сначала их бросили против конницы генерала Натана Форреста, громившего тылы и коммуникации северян, а затем отправили восстанавливать разрушенные и со-

жженные его кавалеристами железнодорожные мосты и дороги к югу от Нэшвилла. Инженерные работы перемежались долгими маршами и стычками с подразделениями мятежников. Больших боев не было, но почти каждый день гибли люди, и победы не радовали. В эти месяцы — от ранней весны до поздней осени 1862 года — происходит знакомство и сближение Хейзена и его подчиненного. Генерал увидел Бирса в деле, на войне и в тыловых буднях, проникся к нему уважением и доверием. 1 декабря, по представлению генерала Хейзена (звание бригадного генерала последний получил в ноябре), будущему писателю было присвоено первое офицерское звание — второго лейтенанта.

Большие сражения, кровопролитные битвы — вехи больших войн и крупных военных кампаний. Часто, хотя далеко не всегда, они совпадают с вехами на пути конкретного солдата, отдельного подразделения. Бой у Стоунз-Ривер 31 декабря 1862 года не относится к числу этапных, серьезно повлиявших на расстановку сил в ходе войны Севера и Юга. Но для солдат и офицеров бригады Хейзена он стал главным. Прежде всего потому, что для большинства из них он оказался последним.

Обстоятельства схватки у Стоунз-Ривер таковы. Зная инертность главнокомандующего генерала Розенкранца, мятежники решили “выдавить” его части из Теннесси. Осуществить эту операцию должен был энергичный генерал южан Брэгг. Он двинул свои войска в направлении столицы штата — города Нэшвилла. Розенкранц, при всей своей безынициативности, был все-таки профессионалом и догадывался о планах южан. Чтобы помешать мятежникам, он предпринял контрманевр. На его острие волей судьбы оказалась бригада Хейзена. Находясь в авангарде, на дистанции от основных сил, она внезапно столкнулась с главными частями противника. Ареной столкновения стала дубовая роща, которую обитатели этих мест называли Круглый Лес. Впоследствии солдаты окрестили его Пол-акра Ада, а местные жители вместе с уцелевшими солдатами бригады через несколько лет после войны установилиobelisk в память о погибших.

Позднее Бирс использовал события при Стоунз-Ривер как основу для одной из своих самых ярких новелл о Гражданской войне “Заполненный пробел”. Ее герой, лейтенант бригады Хейзена (!), был ранен в голову в том бою и потерял память. Минуло много лет, он уже давно старик, но для него война не закончилась, он продолжает воевать, стараясь исполнить свой воинский долг и вновь переживая то, что пережито десятилетия назад — 31 декабря 1862 года.

В военных повествованиях писатель всегда использовал личный военный опыт. Не отступает он от этой традиции и в новелле. В те дни будущий литератор носил погоны лейтенанта и выполнял обязанности офицера разведки полка. Разведчиком является и лейтенант из рассказа. Писатель, вглядываясь глазами героя повествования в движущиеся войска противника, его повозки, артиллерию, кавалерийские эскадроны, видел эту картину глазами собственной памяти, памяти о том, как развивались события рокового для бригады столкновения. Можно предположить, что в какой-то степени автор идентифицировал себя с героем, воспринимая и свою жизнь, собственный жизненный опыт сквозь призму опыта и впечатлений человека войны. Здесь, вероятно, уместно будет обратить внимание на неточный перевод заглавия новеллы. У автора заглавие несет иную смысловую нагрузку, нежели у переводчика. Если перевести “resumed identity” буквально, то получится скорее “повторная самоидентификация”, но никак не “заполненный пробел”. Возможно “на слух” этот вариант звучит лучше, но не точен и не соответствует авторскому замыслу. Интересно отметить и следующий факт. Упомянутая новелла — одна из наиболее поздних по времени создания “военных” новелл писателя. Она была опубликована в сентябре 1908 года, вскоре после “паломничества” Бирса по местам былых боев, предпринятого писателем в начале 1900-х. Таким образом, заглавие “A Resumed Identity” в указанных обстоятельствах представляется весьма симптоматичным.

Нет сомнений в том, что свое сердце Бирс оставил на полях сражений войны. Его душа навсегда осталась с его товарищами — живыми и павшими. И в этом нет ничего удивительного. В конце концов, каждая война неизбежно порождает свое “потерянное поколение”. Гражданская война в США, с ее жесточечностью и огромными жертвами, не могла не травмировать ее участников и сформировала собственное “потерянное поколение”. Бирс был одним из ярких его представителей.

Бой у Стоунз-Ривер почти полностью выбил офицерский состав бригады. Погиб, например, и командир полка, в котором служил будущий писатель (кстати, именно Бирс вынес его смертельно раненным с поля боя). В январе 1863 года Амброзу Бирсу по представлению Хейзена присвоили звание первого лейтенанта, а в марте перевели в штаб и назначили главным офицером-топографом бригады. В этой должности, не считая небольших перерывов, Бирс прослужил всю войну.

Казалось бы, что может быть более прозаичным, лишенным “романтики”, нежели служба военного топографа. Особенно если речь идет о современной войне и современной армии. Но Бирс служил в другую эпоху и воевал на другой, очень

далекой от нашего времени, войне. Тогда многое было по-иному. Необходимо помнить, что Гражданская война в США разворачивалась на огромных и не всегда хорошо освоенных пространствах. Карты местности большей частью отсутствовали. Полномасштабная геодезическая и картографическая съемка территории страны была где-то впереди, в отдаленном будущем. В то же время это была маневренная война, в ходе которой перемещались большие массы войск: живой силы, артиллерии, амуниции, припасов и т. д. Поэтому работа военного топографа приобретала особое значение: слишком многое зависело от того, насколько профессионально и успешно он делает свою работу. Впрочем, лучше предоставить слово самому военному топографу Амброзу Бирсу, который много лет спустя в рассказе “Джордж Тарстон” описал то, что он делал на войне:

На марше или в летнем лагере, на зимних квартирах или на привале, в любую погоду обязанности офицера-топографа заставляли меня работать с великим напряжением сил. Дни напролет я не покидал седла и часто засиживался за полночь, вычерчивая карты и составляя отчеты. То была трудная и опасная работа: чем ближе к расположению противника мы могли подобраться, тем точнее и ценнее становились мои полевые дневники и итоговые карты. Это было дело, в котором опасность не принималась в расчет и человеческая жизнь почти ничего не значила. Иногда десятки, а то и сотни солдат вступали в безнадежную схватку с мощным сторожевым охранением противника. За стремительной атакой, скоротечным, но кровопролитным боем следовало неизбежное отступление. Десятками человеческих жизней часто оплачивались сведения о переправе или точке пересечения двух дорог. <...> Эти жестокие схватки навечно запечатлелись в моей памяти яркой и, вероятно, неизгладимой картиной – нетленной, в отличие от моих дневников и карт, – с треском карабинов, сверканьем сабель и скачущими всадниками... В историю моей жизни они вписаны кровавыми, несмываемыми буквами.

Нельзя не признать, что картина получилась вполне отчетливая. Она дает исчерпывающее представление о том, чем занимался будущий писатель.

Весна и лето 1863 года для бригады Бирса прошли относительно спокойно. Хотя эти месяцы, как известно, стали переломными в ходе войны, солдатам Хейзена не довелось принять участие в победоносных сражениях при Геттисберге и Виксберге. Командующий армией Розенкранц, или, как его за глаза называли в войсках, “спящий” генерал, избегал решительных действий. Лишь после настоятельных требований Линкольна и упомянутых побед северян он в разгар лета двинул войска в направлении крупного города и железнодорож-

ного узла Чаттануги. Город этот находится в излучине реки Теннесси, и если учесть, что его обороняли части хорошо известного Розенкранцу генерала Брэгга, а с востока прикрывали холмы, то он был почти неприступен. Наступление северян развивалось медленно: к Чаттануге армия подошла только осенью. Но оказалось, что южане оставили его. Брэгг посчитал, что неприступная крепость может стать ловушкой для его войск, тем более что он ждал пополнения: ему на помощь двигался корпус генерала Лонгстрита. Розенкранц не решился далеко углубляться на территорию противника и приказал перейти к обороне. За несколько дней северяне создали мощный оборонительный рубеж вдоль небольшой речки под названием Чикамога.

Чикамога — это место стало роковым для обеих сторон. В самом названии реки был скрыт страшный мистический смысл: в переводе с языка индейцев — жителей этих мест — Чикамога означает “Река смерти” или “Кровавая река”. Она и стала таковой для ста с лишним тысяч участников сражения, которое развернулось вдоль ее берегов 19-20 сентября 1863 года.

Битва началась ранним утром 19 сентября. Пятьдесят семь тысяч солдат северян противостояли пятидесяти девяти тысячам южан. Первыми в атаку пошли северяне — солдаты корпуса генерала Томаса и среди них 9-й пехотный полк, в котором служил старший лейтенант Бирс. Нападение было отражено, войска понесли потери, и теперь уже сами вынуждены были отбивать яростные атаки мятежников. На долю солдат генерала Томаса выпали самые тяжелые испытания в ходе двухдневной битвы: они постоянно находились на острие главного удара армии конфедератов. Хотя их потери были огромными, первый день — 19 сентября — они выдержали. Труднее было выстоять 20 сентября. Ночью к месту сражения подошли части генерала мятежников Лонгстрита, и утром Брэгг бросил их на северян Томаса. Через несколько часов изнурительных боев, когда потери превысили все мыслимые пределы, они стали отходить. А вот раненым, которых было множество, пришлось спасаться самостоятельно... Зрелище бредущих, ползущих, истекающих кровью ужасало и запечатлелось в памяти. Много лет спустя эту картину мы найдем в одной из самых страшных и пронзительных новелл Бирса о войне, которую он так и назвал, выразительно и исчерпывающе, одним словом — “Чикамога”:

Это были люди. Они ползли. Они ползли на руках, волоча за собою ноги. Они ползли на коленях, а руки их плетью висели вдоль тела. Они пытались подняться, но тут же, как подкошенные, падали ничком на землю. Они вели себя крайне несчастливо и каждый по-своему, если не считать того, что все они

шаг за шагом продвигались в одном и том же направлении. В одиночку, парами, небольшими группами возникали они из мрака; время от времени некоторые из них застывали в неподвижности, между тем как другие медленно проползали мимо них. Затем отставшие возобновляли движение. Они появлялись дюжинами, сотнями, распространялись вокруг, насколько их можно было различить в сгустившейся тьме. Конца им не было видно, черный лес позади них казался неистощимым. Чудилось, будто сама земля шевелится, медленно сползая к ручью. Порой кто-нибудь из тех, кто останавливался, больше не трогался с места и продолжал лежать не шевелясь. Он был мертв. Иные, остановившись, начинали странно жестикулировать – поднимали и опускали руки, сжимали ими голову, воздевали кверху ладони, – это было похоже на общую молитву.

Ужас происходящего многократно усилен тем, что ужас этот – безмолвный: повествование в рассказе ведется от лица глухонемого ребенка. Не будем гадать, чем была вызвана столь необычная фигура повествователя – стремлением ли добиться наибольшего эмоционального эффекта или показать страшную правду войны.

О значимости событий при Чикамоге в биографии художника говорит и тот факт, что позднее, в 1880-е годы, в бытность журналистом, он неоднократно обращался к тому, что случилось на берегах “Кровавой реки”, а затем, в конце 1890-х, счел необходимым еще раз вернуться к тем событиям уже в жанре очерка. В 1898 году под названием “Немного о Чикамоге” он опубликовал его в “Examiner”. Очерк примечателен, конечно, не фактографией событий. Будучи одним из множества рядовых участников, Бирс едва ли мог добавить что-то действительно ценное к тому огромному числу уже опубликованных мемуаров генералов и офицеров, северян и южан. Автор прекрасно осознавал это и справедливо писал, что “история этой выдающейся битвы хорошо известна”. Очерк интересен прежде всего своей субъективностью, авторской интонацией. И в этом смысле он разительно отличается от очерков “В горах”, “Что я видел при Шайло” и т. д. В этом фрагменте прозы совершенно нет места юношеским восторгам, любованию природой, но есть горечь утраты и сожаление о тех, кто погиб и кто выжил, осознание бессмысленности принесенных жертв в том сражении, да и в любом ином:

Для тех из нас, кто сумел уцелеть под натиском неумолимого Времени и атак генерала Брэгга, кто хранит в памяти лица дорогих мертвых товарищей, которых мы оставили на роковом поле, это место означает многое. Конечно, оно значит меньше для тех молодых людей, чьи палатки теперь раскинуты там, где ря-

дом с пробитыми головами и скрюченными руками героев в синем и героев в сером¹ Божие ангелы стоят, невидимые и безмолвные, над спящими последним сном в лесу возле реки Чикамога.

Офицеру-топографу 9-го пехотного полка Индианы события при Чикамоге были, возможно, памятны более, чем многим другим участникам сражения, еще и потому, что он находился в самой их гуще, на самом опасном и напряженном участке: прикрывал отход северян. Итоги сражения и сейчас поражают воображение: и с той, и с другой стороны по меньшей мере каждый третий погиб, попал в плен, пропал без вести или был тяжело ранен. Северяне потерпели серьезное поражение.

В силу огромных потерь войска южан и их талантливые генералы уже не могли, как прежде, в полной мере воспользоваться плодами своей победы. Они не смогли довершить разгром Розенкранца и организовать энергичное контрнаступление. Разбитая армия северян отступила к Чаттануге и укрепилась на подступах к ней. Лишь в конце ноября, когда к осажденному южанами городу подошли части генерала Шермана, а командование взял на себя главный полководец Севера Улисс Грант, правительственные войска перешли к активным действиям и, разбив противника в жестоких боях при Дозорном Холме и Миссионерском Хребте (24 и 25 ноября 1863 года), прорвали осаду.

В качестве офицера связи и военного топографа Бирс принимал участие в обоих столкновениях на всех их этапах. В общем ходе боевых действий они значили очень многое: сражения 24-25 ноября стали переломными в ходе Гражданской войны, были ожесточенными и кровопролитными и воспринимались северянами как реванш за поражение при Чикамоге. Если мы попытаемся соотнести их с событиями отечественной военной истории, то вполне допустимой аналогией могла бы стать, например, битва на Курской дуге или операция “Багратион” в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Однако, если обратиться к творческому наследию писателя, можно заметить, что они не оказали на него воздействия, подобного Шайло или Чикамоге. Нет у Бирса очерков, рассказов, воспоминаний, в которых ноябрьским событиям 1863 года отводилось бы сколько-нибудь значимое место. В чем же причина этого? Можно предположить, Бирс устал от войны. Он воевал уже третий год, и впечатлений накопилось слишком много.

1. Войска северян были одеты в синие мундиры, южане носили серую форму.

В декабре 1863 года окончился оговоренный контрактом срок службы для Бирса и его однополчан. Согласно законам того времени, их добровольческий полк должен был быть расформирован, а они распущены по домам. Однако ни старший лейтенант Бирс, ни те, кто сумел остаться в живых, уже не представляли своей жизни вне войны, вне армии. Да и война еще не закончилась. Они заключили новый контракт, их полк сохранился как боевая единица армии северян, а они остались его солдатами.

В начале мая 1864 года Бирса перевели в штаб бригады, которой командовал Хейзен. Генералу был нужен проверенный профессионал, на которого можно было положиться. Бригада заканчивала переформирование после боев при Чикамоге и Чаттануге, в ходе которых почти весь личный состав был уничтожен. Завершалась подготовка стотысячной армии генерала Шермана. В скором времени ей предстояло совершить знаменитый “марш к морю” — через Атланту и Алабаму.

“Марш Шермана к морю” начался 4 мая 1864 года, хотя поначалу солдаты и офицеры не догадывались об истинной цели наступления. Огромной армии северян противостояли всего лишь сорок тысяч солдат армии конфедератов. Командующий войсками южан опытный генерал Джонстон понимал, что у него нет шансов разбить противника в генеральном сражении. Он надеялся, отступая, измотать неприятеля в мелких стычках и заставить его остановить продвижение на юг, а самому сохранить силы и дожждаться подкреплений. Бригада Бирса наступала в авангарде и в полной мере испытала тяжесть “мелких” столкновений на пути к Атланте — при Дэлтоне, Ресаке, Нью-Хоуп Чёрч и др.

27 мая 1864 года в Пикеттс-Милл, штат Джорджия, произошло событие, которое и тридцать с лишним лет спустя не давало писателю покоя и заставило в 1898 году написать и опубликовать очерк под названием “Преступление в Пикеттс-Милл” в составе цикла “Фрагменты автобиографии”, публиковавшегося на страницах “Examiner”. Многие биографы и исследователи творчества Бирса полагают, что именно события в Пикеттс-Милл “перевернули мир” этого человека, превратив его в циника и мизантропа. Едва ли это действительно так. Безусловно, участие в войне и испытания, выпавшие на его долю, способствовали ускоренной эволюции мироощущения, но это была все-таки эволюция, а не внезапный переворот в восприятии действительности. В то же время отрицать значение того, что произошло в Пикеттс-Милл, в трансформации мироощущения писателя было бы неверно.

История написания этого очерка такова. Первоначально материал был по объему меньше публикации 1898 года. Он назывался “Преступление в Пикеттс-Милл: простой рассказ о тридцати минутах кошмара с Джо Джонстоном” и был опубликован в “San Francisco Examiner” 27 мая 1888 года — в двадцать четвертую годовщину трагедии. Очевидно, что непосредственным поводом к его написанию послужили мемуары генералов Шермана и Ховарда, незадолго перед этим вышедшие в свет. Оба генерала, виновные в трагедии, были склонны не придавать эпизоду значения и о событиях упоминали походя. Бирс — непосредственный участник и свидетель того, что произошло, придерживался противоположной точки зрения.

Справедливости ради необходимо отметить, что в летописи Гражданской войны в США события в Пикеттс-Милл едва ли относятся к числу значительных. Бой в лесу при Пикеттс-Милл в сводках того времени фигурирует в числе множества “мелких” стычек и столкновений, имевших место в Джорджии на начальном этапе продвижения армии Шермана к Атланте. Однако для Бирса, Хейзена, солдат и офицеров бригады оно — одно из главных на всем пространстве войны и в личной судьбе каждого.

27 мая 1864 года генералу У. Хейзену был отдан явно преступный приказ: силами бригады выдвинуться навстречу двум мощным дивизиям мятежников, наносившим удар во фланг северянам. Выполнение приказа подразделениями одной бригады было равнозначно самоубийству. Это отлично понимал Хейзен, это понимали и офицеры его штаба. Хейзен апеллировал к командиру корпуса Ховарду, командующему армией Шерману, но все они, не слушая аргументов, требовали безоговорочного выполнения. Подчиняясь, но вопреки здравому смыслу, бригада двинулась навстречу смерти. Рандеву произошло в лесном массиве неподалеку от поселка Пикеттс-Милл. В скоротечном бою бригада потеряла более половины личного состава. Только что сформированная бригада практически перестала существовать.

Бирс пережил шок и глубочайшее разочарование. Они были чрезвычайно велики прежде всего потому, что подрывали один из немногочисленных еще оставшихся в его распоряжении бастионов — веру во фронтовое братство. Он увидел, насколько на самом деле далеки от солдат “полководцы”, насколько бесчеловечны, аморальны и запредельно жестоки амбиции этих “стратегов”, как бесконечно мало значит для них человеческая жизнь. И самым горьким для будущего писателя было то, что многими из этих генералов он совсем недавно искренне восхищался.

Скорее всего, именно здесь, в этом предельно жестоком уроке, преподанном молодому офицеру, следует искать истоки таких образов, как безымянный генерал из “Сражения в ущелье Коултера”, генерал Камерон в “Офицере из обидчивых” или майор Крид Хэлкроу из новеллы “Смертельный удар” (“The Coup de Grace”) и т. д.

Впереди у Бирса было еще немало надежд и разочарований, но то, что после событий в Пикеттс-Милл он пребывал в глубокой депрессии, очевидно. Об этом свидетельствуют строки из письма будущего писателя из Экворта, штат Джорджия, 8 июня 1864 года:

Я очень устал от моей теперешней жизни и меня очень тяготит то, чем я сейчас занимаюсь... <...> Я устал от войны. С той поры, когда мы покинули Кливленд в Теннесси, каждый третий в бригаде тяжело ранен или убит. Среди тех, кого нет рядом со мной, было так много хороших людей. А теперь я остался один. Наступит время – придет и мой черед. Каким благородным чувством, должно быть, наполнит моя смерть ваши души – ...не говоря о стране, за которую воюю: права она на самом деле или нет – мне это неизвестно. Ты думаешь, что я лишен патриотизма, рассуждая таким образом? Возможно, ты права. Но, знаешь, для солдата на самом деле не очень важно, за кого и за что он воюет... <...> Все время идет дождь, и я очень одиноко.

Он словно чувствовал, что нечто должно было с ним произойти, и это случилось. 10 июня началось многодневное, решившее судьбу Атланты сражение при Кеннесо-Маунтин, а 23 июня он был тяжело ранен в голову осколком снаряда. Если бы не брат Альберт, который волею providения оказался рядом и не мешкая вынес его на себе с поля боя, оказав первую помощь, то, скорее всего, он бы погиб. Впоследствии в своих произведениях писатель неоднократно моделировал сходные ситуации, “примеряя” на себя и своих героев обстоятельства того давнего события. Наверно, ярче всего история с ранением отозвалась в коллизии, развернутой автором в новелле “Смертельный удар”.

Раненого офицера эвакуировали в Чаттанугу. Путь санитарного поезда к месту назначения был долог и мучителен. Об этом впоследствии писатель рассказал своей дочери, а та, в свою очередь, поведала биографам. Раненых без медицинского сопровождения погрузили на открытые железнодорожные платформы, укрыли брезентом, и поезд медленно пополз от полустанка к полустанку, часами простаивая под палящим летним солнцем или проливным дождем. Не все смогли пережить путешествие, многие умерли в пути. Только в конце лета Бирс смог передвигаться самостоятельно, и его

выписали из госпиталя. Ему дали отпуск для поправки здоровья, и он поехал в Экхарт.

На этот раз его возвращение домой не было триумфальным. У него были серьезные проблемы со здоровьем, мучительно болела и кружилась голова. Первое время после выписки из госпиталя он с трудом передвигался без посторонней помощи.

Тем не менее на исходе сентября Бирс вернулся в часть. Бригадой теперь командовал другой — полковник Сидни Пост. Бирс знал об этом — о предполагаемых изменениях его командир написал ему заранее. Генерала Хейзена повысили в должности и назначили командовать штурмовой дивизией. Во главе этой дивизии он вскоре отличился при взятии Саванны, но Бирса с ним тогда уже не было, хотя генерал и пытался перевести его к себе в штаб. Их дороги снова разошлись: Хейзен со своей дивизией пошел на юг, а его бывшая бригада вошла в состав корпуса генерала Скофилда.

Бирс вернулся в строй, толком не окрепнув. Конечно, он не мог и предположить, что очень скоро, в октябре, ему предстоит, вероятно, самое яркое из его военных “приключений”. О перипетиях этих событий Бирс подробно рассказал в очерке “Четыре дня у Дикси” — пожалуй, наиболее “сюжетном” среди его мемуарных зарисовок. Впервые очерк был опубликован в воскресном выпуске “Examiner” от 4 ноября 1888 года. Кстати, сам факт появления очерка говорит о значимости того, что случилось в октябре 1864 года в жизни писателя. Поскольку эпизод этот действительно яркий и незаурядный, имеет смысл рассказать о нем подробнее.

В первые недели осени боевые действия почти не велись. Противники вяло маневрировали, не решаясь вступить в открытое столкновение. Импровизированной линией фронта служила река Куза в северо-восточной части штата Алабама, которую никто из них пересечь не решался:

Армии федеральных сил Шермана и конфедераты Худа после безрезультатных и бессмысленных маневров, последовавших после сдачи южанами Атланты, замерли, разделенные руслом реки Куза возле города Гейнсвилл. Здесь на несколько дней наступило полное затишье...

В один из таких “тихих” дней офицер-топограф бригады А. Бирс и адъютант командира по фамилии Кобб с тремя солдатами на лодке переправились через реку. Они решили совершить небольшую “экскурсию” на вражеский берег. Это была чистой воды импровизация — молодечество, закончившееся, увы, довольно печально. Вскоре северяне столкнулись с кавалеристами южан. В завязавшейся суматошной пе-

рестрелке никто не пострадал, но солдаты попали в плен. Товарищ офицер бежал, удалось скрыться и Бирсу. Убежищем последнему стало кукурузное поле. Оно было огромным, в несколько миль длиной:

Кукуруза! Что это была за кукуруза! – восклицает Бирс. – Она возвышалась как лес, смыкая вершины высоко над головой, и солнечный свет едва проникал сквозь эту гущу. <...> Тот, кто не видел этого, не представляет настоящего буйства природы. Не знает он и того, что такое на самом деле одиночество – до тех пор, пока не окажется на этом поле один безлунной ночью.

Он сумел в кромешной темноте пересечь поле и выйти к руслу реки. Но лодки, на которой они переправлялись накануне, на месте не было. Вероятно, тот, кто убежал, не стал дожидаться товарища, а переправился назад в одиночку. Бирс решил не переплывать реку в темноте, а дождаться, пока рассветет:

...Мои зубы стучали от холода, но я шел вдоль берега реки по кромке кукурузного поля. Заросли кукурузы сменил густой лес. Ощупью, дюйм за дюймом, я долго продирался сквозь чащу, когда внезапно деревья поредели, и я очутился на поляне, едва освещенной углями дотлевающего костра. Вокруг него вповалку лежали вооруженные люди – на одного из них я едва не наступил. Обесиленные, они спали глубоким сном. Часовой <...> тоже спал с карабином на коленях, уронив голову на грудь. На границе света и темноты угадывалась группа расседанных и стреноженных лошадей. Все спали – солдаты, часовой; лошади тоже спали. Было нечто странное, даже волшебное в том, что я видел. На мгновение я уверовал, что все они мертвы; в сознании моем, как наяву, зазвучали строки из стихотворения О'Хары "Привал мертвецов" – и я был одним из них. Это странное чувство порождало уверенность в нереальности происходящего – никакого ощущения опасности у меня не было. <...> Даже сейчас, хотя прошло так много лет, живость и яркость происшедшего представляет одну из чудесных загадок памяти.

Избежав опасности ночью, он не смог сделать этого на следующий день:

В июне, в сражении при Кеннесо-Маунтин я был тяжело ранен в голову и в течение последующих трех месяцев был почти беспомощен. По правде сказать, и много лет спустя на меня sporadически обрушивались приступы непонятной слабости. При чем происходило это часто без каких-либо видимых причин, но обычно вследствие чрезмерного волнения или усталости. Их комбинация и привела к тому, что в конце концов я упал без чувств.

Бирс попал в плен. Обращались с ним хорошо. Правда, как утверждали те, кто его пленил, если бы он попал к "партизанам", его судьба была бы иной: скорее всего, его "вздер-

нули” на ближайшем суку. По описанию он понял, что фортуна ему благоволила: то, что он принял за “привал мертвецов”, на самом деле было бивуаком тех самых “партизан”.

Офицера-северянина конвоировали два солдата. Относились к своим обязанностям они довольно легкомысленно, и на вторую ночь пребывания в плену Бирс бежал. Оторвавшись от погони (а его преследовали не только конвоиры, но и “гражданские” и их собаки), всю ночь и следующий день он шел к реке, скрываясь в лесах и перелесках, в бесконечных кукурузных полях.

Была глубокая ночь, когда он, наконец, переплыл реку. На “северном” берегу картина была почти идиллической: офицеры штаба жарили свинину, “реквизированную” у местного населения, рассказывали смешные истории. В хоре веселых голосов особенно выделялся голос адъютанта командира бригады — лейтенанта Кобба. Он был жив и невредим. Судя по всему, он не стал рассказывать о том, что случилось, и предпочел “забыть” о прискорбном эпизоде, ведь ему удалось вернуться в часть тем же днем, его отсутствия никто даже не заметил. Если бы об “инициативе”, в результате которой один офицер пропал без вести, а трое солдат оказались в плену, стало известно, то последствия этого события для “уцелевшего” могли оказаться самыми печальными.

Но, как бы там ни было, Бирс остался жив и даже не был наказан. А в ноябре началась активная фаза боевых действий.

Перед солдатами генерала Скофилда стояла непростая задача — разгромить генерала мятежников Дж. Худа, который отличался не только военным талантом, но изрядной энергией и склонностью к авантюрам. Преследуя южан, которые, потерпев поражение у Атланты и Ричмонда, в отчаянии решили прорваться на Средний Запад, они двинулись в обратную сторону — на северо-запад, по направлению к Нэшвиллу, и вновь вернулись в Теннесси. Здесь, в Теннесси, произошли последние крупные столкновения Гражданской войны, в которых Бирсу довелось принять участие.

Первым из них стало сражение неподалеку от местечка Франклин 30 ноября 1864 года. Перипетии этого события он довольно подробно описал в 1898 году в очерке “Что произошло у Франклина”. Писатель воспроизвел вполне сюрреалистическую атмосферу тех дней, когда и победитель, и побежденный были заранее известны, но ожесточенное противостояние продолжалось, и продолжали гибнуть люди:

Дрема, казалось, была разлита в самом воздухе. Солнце висело в серо-голубом небе темно-красным шаром, пронизывая своими

лучами призрачную дымку нежного бабьего лета и освещая картины, своей красотой затмевающие видения полуденного сна в раю. Если бы кто-то из нас страдал склонностью к морализаторству, то нашел немало поводов для проповеди, наблюдая контраст между зрелищем умиротворенной осенней природы и тем кровавым делом, которым мы занимались.

“Дело” у Франклина стало преддверием окончательного разгрома армии Худа возле Нэшвилла 15–16 декабря 1864 года. А для Бирса этот эпизод стал последним в его военной карьере.

Поначалу для корпуса Скофилда обстоятельства складывались неблагоприятно. В новелле “Рассказ майора” Бирс, реконструируя давние события, писал:

Неприятель вынудил нас оставить северную Джорджию и Алабаму и пуститься за ним вслед. В Нэшвилле мы угодили в ловушку, окопались и заняли глухую оборону, ожидая, пока старшина Томас, наш командующий, поспешит с подкреплением и провиантом из Луисвилла и выручит нас. Тем временем Худ, командующий войсками конфедератов, частично блокировал нас и зажал так крепко, что его снаряды ложились в самом центре города. Понятно, он старался этого не делать, опасаясь, что снаряды могут поубивать семьи его собственных солдат, очень многие из которых, я полагаю, жили в городе.

Сюрреализм ситуаций и отношений, порожденных Гражданской войной, не переставал удивлять будущего писателя и в те дни, на последнем ее этапе:

Иной раз я размышлял, какие чувства испытывали те бедолаги, наблюдая сквозь прорезь прицелов поверх наших голов собственные жилища, в которых их жены и дети или престарелые родители, возможно, испытывают тяготы жизни и, безусловно (а как же может быть иначе?), изнемогают под тиранической властью варваров-янки.

Через несколько дней подоспели подкрепления, и 16 декабря войска Худа были разбиты. Война для старшего лейтенанта Бирса закончилась. Бригаду отвели в северную Алабаму и разместили на зимние квартиры в городке Хантсвилл. Здесь, 10 января 1865 года, Бирс подал рапорт об увольнении с воинской службы.

Какова была истинная подоплека этого поступка, сейчас можно только гадать. В рапорте в качестве причины он указал “физическую невозможность исполнять в дальнейшем служебные обязанности”. Нам неизвестно его состояние здоровья, неизвестны и конкретные обстоятельства, при которых было принято решение. Неизвестна также и точная дата выхода в отставку.

В августе 1865 года ему, уже уволенному из армии, было присвоено почетное офицерское звание “майор”. В октябре 1866 года указ вступил в законную силу. Присвоение не подразумевало денежного содержания или назначения пенсии, не предполагало возможности служить в этом звании в армии мирного времени. Оно было почетным и только. Правда, им можно было пользоваться как титулом — подписывать личные бумаги, например, или заказать визитные карточки, где рядом с именем могло стоять и воинское звание — “майор”. Это была единственная награда, которой удостоился Амброс Бирс за свою воинскую службу. Он мог бы ответить: “Другие получили и того меньше”.